

УДК 908(470).082

*А.Б. Сулов***РЕАКЦИЯ КРЕСТЬЯН ПЕРМСКОГО КРАЯ НА ЭСКАЛАЦИЮ РЕПРЕССИЙ
В ДЕРЕВНЕ В 1930 году**

Рассматривается на основе анализа документов и материалов региональных архивов отношение крестьян Пермского края к «раскулачиванию» и выселениям на начальном этапе форсированной коллективизации в Прикамье. Исследуются реакция жертв репрессивной политики, отношение к действиям власти их односельчан, а также мотивация крестьянских жалоб представителям власти.

Ключевые слова: крестьяне, коллективизация, кулак, «раскулачивание», репрессии, сталинизм, Пермский край, Прикамье.

В истории советской деревни трагические события первой половины 1930 г., связанные с начавшимися «раскулачиваниями», занимают особое место. Именно на это время приходится наибольшее ужесточение репрессивной политики в отношении крестьянства. Репрессивное давление на крестьянство и далее оставалось чрезвычайно жестоким. Однако именно в первой половине 1930 г. «удельный вес» насилия в отношении сельских жителей, по сравнению с предшествующим периодом, увеличивался намного быстрее, чем в любое другое время. Поэтому реакция крестьян на эскалацию репрессий в этот сравнительно небольшой период представляется важным и интересным предметом для исследования.

Заметим, что проблематика «раскулачивания» весьма подробно отражена в современной отечественной историографии [4; 7; 8], а также в сборниках документов, среди которых исключительное место занимает «Трагедия советской деревни» [14]. В исследованиях на материалах западноуральского региона репрессивный характер коллективизации, способы и мотивы проведения «раскулачивания» наибольшее освещение получили в ряде публикаций М.А. Ивановой [5; 6]. Алгоритмы проведения «раскулачивания», его место в политике сплошной коллективизации на региональном материале представлены в работах уральских историков и в нескольких документальных изданиях [9-11]. Автор данной публикации также посвятил этому сюжету специальную статью [13].

Изучение проблемы на региональном уровне в узких временных рамках позволяет предельно конкретно проанализировать характер отношения крестьян к «раскулачиванию».

В начале 1930 г. репрессивное давление на крестьян резко усилилось. Крестьяне не испытывали ничего подобного со времени окончания гражданской войны. Жёсткое налогообложение конца 1920-х гг., широкое применение лишения избирательных прав и единичные аресты за «контрреволюционные» преступления не шли ни в какое сравнение с начавшимися драконовскими изъятиями собственности, вынужденной передачей имущества колхозам, довольно масштабными арестами «кулаков 1-й категории» и массовыми выселениями «раскулаченных».

Люди спасались от «раскулачивания» и выселения как могли. Документы свидетельствуют о тысячах поломанных судеб. Инстинкт самосохранения иногда толкал крестьян на поступки, которые для иных условий могли выглядеть как разрыв с традиционной моралью. «Кулацкие» жёны и дочери стремились выйти замуж за колхозников «лишь бы не услали». Зафиксирован ряд случаев, когда дочери выселяемых крестьян одновременно захотели выйти замуж за колхозников и батраков. Однако это им не помогало – в колхоз их всё равно не принимали. В Юксеевском районе (Коми-Пермяцкий округ) одна женщина даже подала на развод с мужем, с которым жила 35 лет, говоря, что он оказался кулаком, с которым она не может жить и желает вступить в колхоз [2. Ф. 200. Оп. 1. Д. 404. Л. 261]. «Раскулаченные», уезжая, отдавали детей в семьи односельчан. Часть селян, в том числе бедняки, укрывали от расправ своих «кулаков» [2. Ф. 200. Оп. 1. Д. 404. Л. 261].

Следует отметить, что отношение бедняков и середняков к «раскулачиванию» было различным в разных сельских поселениях даже в одних и тех же районах. Например, беднота Уржинского сельсовета Кочевского района (Коми-Пермяцкий округ) прямо заявляла кулакам, что «мы у вас находились до сего времени в кулаках, а сейчас вы у нас будете в кулаке», а в Ташкинском сельсовете того же района никак не удалось собрать материалы на кулаков и белобандитов, так как беднота говорила: «У нас нет кулаков, а которые участвовали в белых дружинах, то они из-под силы оружия, а сейчас все они хорошие» [2. Ф. 200. Оп. 1. Д. 404. Л. 261-261об.]. Беднячка Бутылева из деревни Корнино

Чердынского района (Верхне-Камский округ) заявляла: «Их, паразитов, жалеть нечего, целые века нашему брату беднякам приходилось на них работать, а они над нами как только могли издевались», а середняк Якушев из села Бодюг того же района говорил: «Только лодыри целеют, а все труженики, кто не спал день и ночь, трудился, того выселяют на произвол судьбы, теперь бедноту надо жать» [2. Ф. 156. Оп. 7. Д. 276. Л. 70-71].

Случалось, что крестьяне, в том числе бедняки, защищали своих односельчан. Так, например, в Суксунском районе (Кунгурский округ) бедняки на собрании протестовали против выселения «кулака» Н.А. Максимова, мотивируя тем, что он никому не причинил вреда. На том же собрании высказались против выселения попа Бухвалова, говоря о том, что он много лет живёт с ними, ранее учительствовал и даже может снять с себя сан. Примечательно, что последнего им удалось отстоять [2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 158].

2 июля 1930 г. 83 крестьянина Больше-Савинского земельного общества Калининского района (Пермский округ) подписали жалобу прокурору Уральской области на неправильное выселение из пределов Больше-Савинского сельсовета их соседа М.Д. Ощепкова. По мнению крестьян, причисление их односельчанина к кулакам, поскольку «он имел большие огороды», «ни в какие ворота не лезет». Крестьяне обосновывают абсурдность обвинения: «У каждого крестьянина есть огород, но урожайность зависит исключительно от самого хозяина. Будет удобрять землю, вовремя ухаживать за овощью – будет и результат хороший». «Нас запугивали, заставляли молчать, но теперь мы открыто заявляем, что Ощепков выселен неправильно и требуем его вернуть в родные места», – заканчивают своё обращение сельские жители [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 11-14]. 84 подписи крестьян Гамовского сельсовета прилагались к их ходатайству в Пермский окрисполком о возвращении с места выселения их односельчанина А.П. Орехова [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 9].

Подобные ходатайства за своих односельчан были приняты на крестьянских собраниях ряда деревень Прикамья. Во многих обращениях указывалось на нарушение процедур проведения собраний по выселению, на запугивания для обеспечения нужного представителям власти голосования и т. п.

Начавшееся выселение, которое ожидали как неминуемую беду, крестьяне встретили стойче. Если не брать во внимание высказанные высылаемыми нелестные слова в адрес советской власти, её руководителей разного уровня и т. п., как правило, они не оказывали сопротивления*. «Мы пока не встретились ни с одним фактом хотя бы пассивного сопротивления к выселению, – писал начальник Пермского окружного отдела ОГПУ А.М. Минаев в докладной записке секретарю Пермского окружкома ВКП(б) Л.И. Мирзояну 20 февраля 1930 г. – Наряду с подавленным настроением, примирённостью с судьбой, с тенденциями к сопротивлению, мы имеем факты какого-то спокойствия, надежды со стороны кулаков, вроде таких разговоров: “Не пропадём, работать мы умеем, а будем работать – всё будет”» [2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 149-158].

ГПУ зафиксировало ряд угроз со стороны выселяемых и несколько фактов распространения антибольшевистских воззваний [9. С. 675-676; 2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 47-48]. Отмечались также единичные случаи рукоприкладства со стороны «раскулаченных», на что последние, по-видимому, шли от отчаяния. Случались и поджоги домов колхозных активистов и колхозного имущества. Иногда крестьяне отваживались на массовые насильственные выступления против представителей местной власти (кто бы в этой роли ни выступал: коммунисты, руководящие работники сельсоветов, колхозные активисты и т. п.). Однако немногочисленные стихийные и разрозненные выступления селян далеко не всегда отражали их реакцию на коллективизацию и «раскулачивание».

Например, наиболее массовое выступление крестьян, произошедшее в селе Ашарь Ординского района (Кунгурский округ), неоднократно описанное в литературе [6. С. 57], явилось следствием не столько «раскулачивания», сколько закрытия церкви. По решению сельских властей церковь закрыли, началось её переоборудование под клуб, были сняты кресты, развешены красные флаги. 13 мая 1930 г. в село приехал агент Рудметалторга для снятия колоколов. Кто-то из прихожан ударил в набат, быстро собралась толпа около 150 чел. Рабочие, мастеровившие сцену для клуба, оказались запертыми в церкви, попытки нескольких сельских коммунистов и милиционера их освободить не увенчались успехом. В течение трёх дней у церкви дежурило от 50 до 150 крестьян, в том числе из окрестных деревень, заинтересованных в существовании церкви. К требованию возвращения церкви вскоре

* В данной статье не рассматривается как сопротивление повсеместно имевшее место припрятывание имущества выселяемыми крестьянами или убой скота для еды. Подобные действия, равно как и бегство отдельных кандидатов на выселение, скорее следует рассматривать в контексте стратегий и тактик выживания.

добавились требования смены отдельных партработников, уравнивания единоличников земельными наделами с колхозниками, полному возвращению обобществлённых семян и т. п. 16 мая на место происшествия прибыли представители окружкома ВКП(б) и окротдела ОГПУ. Власть не стала рисковать, столкнувшись со столь серьёзным массовым протестом, церковь была возвращена верующим [2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 84-84об, 120].

Заметим, что Урал не относился к регионам наиболее массовых крестьянских волнений. По данным Н. А. Ивницкого, за 1930 г. здесь произошло 367 выступлений крестьян из 13 756 по стране. Среднее число участников на один инцидент (с зафиксированным количеством участников) – 121 [8. С. 193-194].

Наиболее распространённым способом сопротивления становится написание индивидуальных и коллективных жалоб как «раскулаченными», так и их односельчанами. Жалобы направлялись и в местные партийные и советские органы, и в правоохранительные органы разного уровня, и вождям партии и государства, в первую очередь – И.В. Сталину и М.И. Калинину. Анализ мотивации жалоб приводит к ряду умозаключений. В первую очередь, следует отметить избранный подавляющим большинством легальный характер протеста, предполагавший принятие существующей системы власти.

В этом отношении характерно, что критика власть предержащих «раскулаченными» во многом носила «государственный» характер, обличала их управленческую недееспособность и своекорыстность. Так, в Кунгуре подлежащий выселению «лишенец» Расов в частной беседе сказал: «Что это за власть, ни черта не разбирается, отбирает всё, что попадает под руки, коммунисты, чувствуя, что дело идёт к разрухе, стараются нажиться и всё награбленное попадает не иначе, как к ним в руки» [2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 156].

Одним из ведущих мотивов аргументации ошибочности «раскулачивания» и выселения были указания на хозяйствование без применения наёмного труда (то есть без учёта официально заявленного «кулацкого» признака): «До восхода солнышка поднимался Ощепков вместе со своей семьёй и всё время проводил время за работой до поздней зари» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 11], «наше хозяйство не кулацкое, а трудовое середняцкое» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 205], «у Костарева семья была 11 человек, он сам со своим семейством обрабатывал землю, а только в 1925 году сам был болен тифом и брал батрака на 5 месяцев» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 212], «Какой же я кулак, когда я не имел никогда наёмного труда» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 314]. Крестьяне пытались обосновать нелогичность репрессий в их отношении, показывая, что весь их видимый достаток создавался тяжёлым трудом, что этот труд являлся вкладом в развитие сельского хозяйства, что поощрялось советской властью. Именно на этом выстраивала своё заявление в президиум Пермского окрисполкома высланная в Соликамский район семья Черных: «Действительно мы имели каменный дом и погреб, но в них нет ни одного купленного кирпича, нет ни одного пуда извести или песку и т. п., привезённого порядком найма. Кирпич до последней штуки делали своей семьёй в течение более десяти лет, по две-три тысячи штук. Мы заготавливали кирпич, глину мяли своими собственными, а не чужими ногами. Обжигал весь кирпич сам... Выбывать для собственных нужд кирпич и другие строительные материалы и производить из них постройку не возбранялось и дом наш также не мог служить основанием для выселения. Если мы держали 4-5 коров, так это до последнего времени не только не возбранялось, но рекомендовалось разведение скотоводства... В жизни нашей не было праздников, мы не имели разгульных дней и хозяйство наше создано упорнейшим трудом и экономией» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 331-332].

Обосновывая свою правоту, крестьяне достаточно часто делали ссылки на слова В.И. Ленина и И.В. Сталина: «Ленин говорил о необходимости постоянной соразмерности разворачивания промышленности и сельского хозяйства, о необходимости двигаться вперед совместно с крестьянством... только статья Сталина нам доказала, что могут быть изгибы Ленинской линии и головотяпство» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 12-13], «тов. Ленин правильно говорил: только действием, примером удачной постановки дела – общественного хозяйства можно крестьянина убедить в пользу колхозного строительства... Прав был тов. Сталин, когда на XV партконференции заявил, что политика партии правильная, да люди, призванные выполнять эту политику и директивы партии, недостаточно хорошо проводят их в жизнь» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 231-232].

Заметим, что крестьяне в своих жалобах акцентируют внимание на том, что они не против коллективизации и даже не против «раскулачивания» – они против нарушений установленного самой же властью порядка проведения этих мероприятий: «Колхоз вещь хорошая – против её никто не пошёл, да вот руководители-то оказались очень неудачные... На собрании население начало было протестовать, но им пригрозили высылкой. Угроза за угрозой и в результате изгибы головотяпства... Уничто-

жить кулака, как класс это одно, а разорять и выбрасывать, как собак таких тружеников – это другое» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 33-34], «в колхоз я записывался и против коллективизации ничего не имел... сопротивлений я никаких не имел против советской власти, всегда был аккуратен в платежах» [1. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 11. Л. 342].

В ситуации отсутствия прямого давления на власть большая часть крестьянских прошений осталась без удовлетворения. В марте 1930 г. политическое руководство страны ещё опасалось крестьянского бунта, о чём свидетельствуют очевидные уступки (статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» в «Правде» от 2 марта 1930 г., постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г.) и «борьба с перегибами». Относительная сдержанность реакции крестьянства на репрессии весной-летом 1930 г., по-видимому, была воспринята властью как сигнал о возможности продолжения репрессивной политики в деревне.

Крестьянство Западного Урала, даже в условиях самого жестокого урезания их витальных потребностей (собственность, уклад жизни, сама жизнь), продемонстрировало неготовность к открытому солидарному сопротивлению. Крестьянская солидарность чаще всего не выходила за пределы тихого саботажа директив колхозного и советского начальства и подачи петиций в защиту односельчан. Более того, вектор крестьянского протеста не был направлен ни на вождей, ни на основы существующего строя. Также не приходится говорить о готовности крестьян к организации совместных действий по защите своих интересов за пределами советской легальности, что исчерпывалось обращениями к представителям власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
2. Государственный архив новейшей истории Пермского края (ПермГАНИ).
3. *Бедель А.Э., Славко Т.И.* Из истории раскулаченных спецпереселенцев на Урале в первой половине 30-х гг. // Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. документов. Екатеринбург, 1993.
4. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.
5. *Иванова М.А.* «Великий перелом». Коллективизация: цели и результаты (по материалам Урала и Прикамья) // Ретроспектива. 2010. №3.
6. *Иванова М.А.* Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998.
7. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1996.
8. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.
9. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край. Документы и материалы. Пермь, 2008. Т. 1.
10. *Плотников И.Е.* Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. №4.
11. Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: сб. документов и материалов. Пермь, 2004.
12. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. документов. Екатеринбург, 1993.
13. *Суслов А.Б.* «Раскулачивание» в Прикамье в январе-марте 1930 г. // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. История. 2011. №3.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. М., 2000. Т. 2.

Поступила в редакцию 13.09.11

A.B. Suslov

The Reaction of Peasants in Perm Region to an Escalation of Repression at 1930

The article, based on archives materials, analyzes a reaction of the victims of repressive policy (peasants and their home-folks) in Perm Region to the beginning of «dekulakisation» and expulsion, also discovers the motives of peasants' complaints to the authorities.

Keywords: peasants, collectivization, «kulak», «dekulakisation», repression, Stalinism, Perm region.

Суслов Андрей Борисович,
доктор исторических наук, доцент
Пермский государственный педагогический университет
614000, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: absuslov@gmail.com

Suslov A. B.,
doctor of history, associate professor
Perm State Pedagogical University
614000, Russia, Perm, Sibirskaya str., 24
E-mail: absuslov@gmail.com